

УДК 821.161.1.09+811.133.1'25

О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык)

Е. Д. Поварницына

Поварницына Елена Дмитриевна, аспирант кафедры французского языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, nazaryeva.elena@gmail.com

В статье рассматривается явление лексической вариативности на примере наименований флоры и фауны во французских переводах «Слова о полку Игореве» (11 текстов). В ходе исследования определяется ряд причин лексической вариативности: различные реконструкции древнерусского текста, параллельные русские тексты, с которых были сделаны переводы, стандартные переводческие решения.

Ключевые слова: лексическая вариативность, перевод, переводная множественность, «Слово о полку Игореве».

On Lexical Variability in Translations from the Dead Language (Flora and Fauna in *The Tale of Igor's Campaign* and its French Translations)

Е. Д. Povarnitsyna

Elena D. Povarnitsyna, <http://orcid.org/0000-0002-4915-3425>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, nazaryeva.elena@gmail.com

The article discusses the phenomenon of lexical variability on the example of the names of flora and fauna in French retranslations of the *Tale of Igor's Campaign* (11 texts). In the course of the study a number of reasons for lexical variability are determined: various reconstructions of the Old Russian text, parallel Russian texts from which translations were made, standard translator's solutions.

Keywords: lexical variability, translation, retranslation, *The Tale of Igor's Campaign*.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>

Исследуя переводы «Слова о полку Игореве» на французский язык, мы находимся в ситуации переводной множественности, явления, которое во французской терминологии называется «retraduction»¹. Большое количество классических текстов многократно переводится на другие языки, и на сегодняшний день изучение переводной множественности является актуальной областью. За последние десятилетия этой теме касались многие как зарубежные (например, I. Oséki-Dépré², A. Berman³, L. Venuti⁴, I. Collombat⁵ и др.), так и отечественные исследователи (Е. С. Шерстнева⁶, Э. Ф. Нагуманова⁷, Е. Э. Разлогова⁸, А. П. Богинская⁹, В. В. Карапец¹⁰ и др.).

Часто переводы различаются уже в силу того, что сделаны с разных вариантов или редак-

ций оригинального текста, но в целом расхождения чаще всего связаны с различными интерпретациями текста оригинала.

В нашем случае мы имеем дело со множественными переводами, созданными на основе текста на древнерусском языке. Первоочередная задача переводчика заключается в расшифровке и истолковании оригинала. Когда речь идет об оригинале на мертвом языке, в частности о «Слове о полку Игореве», эти задачи не могут быть решены в полном объеме, так как для этого не существует полной словарной и информационной базы. Это влечет за собой обнаружение так называемых темных мест, которые представляют большую трудность как для исследователей, так и для переводчиков. Ситуация вокруг франкоязычных переводов «Слова о полку Игореве» обладает еще одной особенностью. Если в канонической ситуации переводы делаются с одного текста оригинала (часто дополненного по более поздним версиям), то в нашем случае подлинник вообще недоступен: переводы делались либо с вольных переложений, либо с различных реконструкций. Возникает вопрос о том, насколько расхождения в оригиналах повлияли на расхождения в переводах. Таким образом, мы сталкиваемся не только с ситуацией переводной множественности, но и с множественностью оригинальных текстов. Более того, авторы французских переводов «Слова» в некоторых случаях являются и авторами собственных «переложений» на современный русский язык или реконструкций, выступающих в роли оригинала.

Исследуя большой объем параллельных текстов, мы выделили конкретную, достаточно узкую область: рассмотрение лексических единиц, являющихся наименованиями животных и растений. Их перевод наглядно демонстрирует различие в переводческих стратегиях. Эта тема уже поднималась в статье М. С. Рыбиной и Б. В. Орехова¹¹, где анализируется подход одного из переводчиков, а именно Ф. Супо, к переводам наименований животных в «Слове о полку Игореве». Корпус нашего исследования значительно шире. Мы рассматриваем 11 французских переводов «Слова о полку Игореве»: N. Blanchard, 1823; F. G. Eichhoff, 1839; F. de Barghon Fort-Rion, 1878; N. Koulmann et M.-L. Behaghel, 1937; H. Gregoire, 1948; Ph. Soupault, 1950; E. D. Kononov, 1954; J.-Y. Le Guillou, 1977; J. Blankoff, 1998; E. Volsky, 2002; C. Pighetti, 2005 (далее фамилии француз-

ских переводчиков будут указываться кириллицей). Также в качестве материала рассматриваются используемые переводчиками исходные русские тексты: в двуязычных изданиях они доступны в качестве параллельных или могут быть упомянуты самими переводчиками в паратекстах (введении и комментариях).

В качестве лексикографической базы были использованы: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (далее – Словарь-справочник), в котором представлено толкование всех лексических единиц древнерусского текста памятника, Trésor de la Langue Française, Le Petit Robert, Новый французско-русский словарь и др.

Цель нашей работы – выявить причины лексической вариативности названий животных и растений во французских переводах «Слова о полку Игореве» и на этом материале, насколько это возможно, проследить в диахронии смену переводческих тенденций.

В тексте «Слова о полку Игореве» имеется 84 употребления названий животных, среди которых 31 вхождение названий млекопитающих (все лексические единицы на древнерусском языке представлены в упрощенной орфографии): зверь (4), волк (11), горностаи (1), кононь (6), лисица (1), тур (6), бела (1), пардус (1); 53 названия птиц: птица (8), орел (2), гоголь (2), чайца (1), чернядь (1), сорока (2), сокол (13), соколец (3), соловьи (4), гусь (1), кречет (1), ворон (4), галица (4), лебедь (3), курь (1), зегзица (2), дятел (1). Также в качестве названия пресмыкающегося можно выделить *полозие*, однако с ним связана проблема членения текста на слова: в ряде реконструкций этот фрагмент представлен как *по лозие* (см. ниже пункт 1). Названий рыб и насекомых в тексте памятника не обнаружено, это же наблюдение мы находим в статье А. С. Дёмина¹².

Что касается наименований растений, то их в тексте «Слова» представлено на порядок меньше – 15 употреблений: древо (6), трава (3), ковылие (1), листвие (1), тростие (1), куст (1), цвет (1); также в этот список нам кажется логичным включить прилагательное с единичным вхождением – *тисов*, т. е. «сделанный из тиса»¹³).

В большинстве случаев способы передачи названий животных и растений в текстах переводов совпадают, предлагается словарный эквивалент в первом значении. Например, *лисица* во всех переводах – *renard*, *волк* – *loup*, *орел* – *aigle*, *сокол* – *faucon*, *лебедь* – *cygne*, *соловьи* – *rossignol*, *ворон* – *corbeau*, *тростие* – *roseau*, *цвет* – *fleur*. Тем не менее, в переводах присутствует ряд расхождений, что связано с разными причинами.

1. *Лексическая вариативность, связанная с реконструкцией текста на древнерусском языке.*

Различия, которые появляются как в русских, так и во французских переводах «Слова о полку Игореве», связаны, в первую очередь, с трудностью расшифровки древнерусского текста. Переводчики работают с реконструкциями,

которые в ряде фрагментов различаются между собой. Отсюда разное толкование текста памятника и, как следствие, разные переводы.

Например, слово *полозие* в контексте «полозю ползоша только» (в Словаре-справочнике отмечено как собирательное; авторы словаря предлагают сравнить его со словом *полоз*, что трактуется как «один из видов крупных змей»¹⁴), в переложении на современный русский язык Д. С. Лихачёва передано словом *полоз*¹⁵, в переложении В. И. Стеллецкого переводом этого слова является название птицы – *поползень*¹⁶, а в переложении К. Д. Бальмонта в этом фрагменте речь вообще не идет о рептилии или птице, а появляется следующее словосочетание: «только ползали по сучьям»¹⁷.

Такая ситуация объясняется не только неясным лексическим значением существительного, но и проблемой членения древнерусского текста на слова. В критическом издании Якобсона, с которого выполнял перевод Грегуар, фрагмент представлен следующим образом: «По лозию пълзоша только дятлове»¹⁸, в то время как в реконструкции, представленной в Словаре-справочнике, фразовое деление выглядит иначе: «Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозю ползоша только», слово *дятлове* же является началом следующего предложения. Очевидно, что в случае реконструкции Якобсона присутствуют два слова: предлог «по» и существительное «лозю» («Лозие – собир. Длинные гибкие стебли некоторых кустарников»¹⁹). Исследователи, таким образом, расходятся в вопросе членения текста на слова, что приводит к различиям в лексическом значении, которые отразились во французских переводах. В четырех случаях из одиннадцати переводчики определяют для себя данное сочетание букв как существительное со значением рептилии, в остальных случаях – как предлог с существительным со значением растения. Таким образом, у Гийу, Бланкоффа и Пигетти эквивалентом становится *serpent* во множественном или единственном числе, а у Супо *grimpeurs* («Ordre d'oiseaux, famille de rongeurs et genre de reptiles»²⁰); причем в переводе Супо растительный компонент тоже присутствует и перевод фрагмента выглядит как «les grimpeurs rampent sur les branches». У остальных же переводчиков находим: *sur les arbres* (Баргон Фор-Рион и Эйкхофф), *sur les branches* (Кульманн и Вольский), *sur les rameaux des saules* (Грегуар), *de branche en branche* (Коновалов).

Членение вокруг слова *куст* также является предметом разногласий исследователей и переводчиков: оно становится «(на) кусту» в тексте критического издания Якобсона²¹ и «къ усту» в реконструкции Мещерского и Бурькина²². Отсюда появляется два разных слова с, очевидно, разными значениями: растения и устья реки. Так, у Лихачёва в переводе на современный рус-

ский язык находим «расширенная к устью»²³, а у Якобсона – «в двух кустах»²⁴. Это расхождение получает свое отражение во французских переводах. Так, часть переводчиков дают в качестве эквивалента *broussaille* или *buisson*, понимая компонент как растение, остальные предлагают *embouchure* с предлогом, трактуя компонент как конечный участок реки.

2. *Лексическая вариативность, вызванная расхождениями в используемых в качестве оригиналов переводах памятника на современный русский язык.*

Эти случаи, в отличие от рассмотренных выше, не связаны с проблемой фрагментации текста, а только с расхождениями в переложениях на современный русский язык. Так, во всех переводах, кроме переводов Бланшара и Коновалова, французским эквивалентом слова *зегзица* («кукушка» по толкованию Словаря-справочника) оказывается *coucou*. В переводе Коновалова появляется другой вариант – *cugne*. Это обусловлено тем, что в его собственном переложении древнерусского текста на современный русский язык, которое и послужило оригиналом для его перевода, фигурирует слово *лебедь*. Бланшар же употребляет французское существительное *colombe*: в вольной интерпретации Левитского, представленной в виде параллельного текста, фигурирует слово *горлица*, которое не является словарным эквивалентом *colombe*, но обозначает представителя семейства голубиных. Схожая ситуация складывается вокруг слова *врани*. Десять переводчиков предлагают эквивалентом французское существительное *corbeau*, в то время как Бланшар употребляет *hibou*: в том же русском переложении Левитского находим следующую интерпретацию древнерусского текста: «Слышны были во время ночи / Долгия стенания совы»²⁵. В этих случаях различия мотивированы расхождениями в переложениях памятника на современный русский язык. Вместе с тем переводчики предлагают в качестве перевода словарный эквивалент в первом значении либо близкий синоним относительно эквивалента в выбранном ими оригинальном тексте.

3. *Лексическая вариативность как выбор из ряда синонимов.*

Другие отличия переводов являются следствием выбора переводчиками того или иного эквивалента из синонимического ряда, задаваемого словом из оригинального текста, что является стандартным переводческим приемом²⁶.

Например, при переводе древнерусского *комони* большинство переводчиков отдают предпочтение слову *coursiers* (в 8 переводах), но встречаются варианты *chevaux* (в 2 переводах) и *destriers* (в 1 переводе). Все варианты близки по смыслу и в словаре Le Petit Robert представлены в одной словарной статье – «cheval»²⁷. Однако *coursier* («cheval à fière allure qu'on lançait autrefois dans les tournois ou dans la bataille»²⁸) и

destrier («cheval de bataille, p. oppos. au palefroi, cheval de parade»²⁹) не являются нейтральными и буквальными переводами *комони*; определения этих слов говорят нам о том, что они обозначают средневековые понятия. Тенденцией переводчиков становится стремление отразить во французском тексте колорит эпохи, запечатленной в памятнике, наблюдается попытка исторической стилизации французского текста.

Другим заслуживающим внимания элементом является слово *чернядь*. Словарь-справочник трактует его следующим образом: «Чернядь-чрьнядь – утка-нырок». Французские переводчики отдают предпочтение разным вариантам перевода этого названия водоплавающей птицы. Эйкхофф и Грегуар предлагают в качестве эквивалента французское слово *canard*, значение которого не нуждается в особых пометках; Баргон Фор-Рион, Гийу, Бланкофф и Вольский останавливают свой выбор на *sarcelle* («oiseau sauvage, aquatique, assez semblable au canard mais plus petit, à la chair un peu amère mais d'une grande finesse»³⁰); Кульманн и Коновалов переводят *чернядь* французским *mouette* («oiseau palmipède aquatique, de plus petite taille que le goéland»³¹), а Пигетти употребляет *foulque* («oiseau aquatique, de la famille des Rallidés, ressemblant à la poule d'eau»³²). Все названия птиц, которые были выбраны переводчиками для трактовки древнерусского слова *чернядь*, имеют общий семантический компонент, который мы можем определить так: представитель птиц, средой обитания которого является водное пространство. Можно сказать, что в случае перевода данной единицы тенденцией переводчиков является употребление различных гипонимов.

В этом контексте стоит рассмотреть и следующий компонент древнерусского текста: «аки пардужь гнѣздо». Словарь-справочник трактует *пардужь* как притяжательное прилагательное к существительному «пардус», которое, в свою очередь, определяется по-разному. Некоторые исследователи утверждают, что это *генард*³³, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает еще ряд толкований: *барс*, *пантера*, *леопард*, *рысь*³⁴. Во французских переводах встречаются эквиваленты практически всех вышеупомянутых наименований: *panthère* у Баргона Фор-Риона и Эйкхоффа; *guépard* у Кульманна, Грегуара, Коновалова, Гийу и Бланкоффа; *lynx* у Супо; *leopard* у Вольского и Пигетти.

В некоторых случаях в переводах представлен расширенный синонимический ряд. Например, большинство французских переводчиков выбирают для передачи слова *галици* эквивалент *choucas*. Решение Ф. Супо выделяется среди других французских переводов тем, что он использует слово *corneille*, заменяя *галок воронами*. Уточним, что обе птицы («choucas» и «corneille») зафиксированы во французских словарях, но степень их распространенности в лите-

ратуре различна. По данным Trésor de la Langue Française, абсолютная частотность³⁵ «choucas» – 18, «corneille» – 156. Первое скорее связано с терминологическим употреблением. Для французской литературы более привычным является образ «вороны», который часто используют в пословицах, поговорках и устойчивых словосочетаниях. Возможно, выбор Супо продиктован в этом случае французскими литературными и фольклорными коннотациями образа вороны, как это подчеркивается в работе Рыбиной и Орехова³⁶. Баргон Фор-Рион и Эйкхофф в качестве эквивалента отдают предпочтение *geai* (сойка), что сложно объяснить, так как по внешнему виду сойка и галка сходны только размером. Заметим, что оба перевода выполнены в XIX в.

В корпусе анализируемых текстов можно проследить и некоторые другие отличия наименований животных и растений в переводах XIX и XX вв. Например, название птицы *кречет* в текстах Эйкхоффа (1839) и Баргон Фор-Риона (1878) передается как *vautour* (*гриф* в Новом французско-русском словаре³⁷, *ястреб* в словаре Макарова³⁸, а во всех остальных более поздних переводах в качестве эквивалента фигурирует *gerfaut* (*кречет*³⁹, и также *кречет* в словаре Макарова⁴⁰).

Другая сходная черта переводов XIX в. – выбор в качестве эквивалента слову *тисовъ* французского *d'ébène* (Эйкхофф и Баргон Фор-Рион). Только в двух переводах (Коновалов и Вольский) предлагается словарный эквивалент этого названия дерева, а именно *if*. Другие же останавливаются свой выбор на слове *cèdre*. Все названия, употребляемые переводчиками, обозначают прочные и ценные деревья. «Тис» также трактуется как прочное и дорогое дерево и указывает на роскошное убранство жилища знатного человека⁴¹. Однако в комментарии к «Слову о полку Игореве» Н. В. Шарлеманя высказано предположение, что «тисовъ кровать» имеет символическое значение и может «рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе»⁴², так как в древности тис считали деревом смерти⁴³. Коннотация смерти в случае переводов «Слова о полку Игореве» на французский язык стерта.

Расширяя синонимический ряд, переводчики прибегают к стратегии доместикации (национализации). Так, Супо старается сделать перевод «Слова о полку Игореве» более близким французскому читателю, передавая древнерусских *галиц* французским *corneille*, о чем мы сказали выше. Другие переводчики также поддерживают эту тенденцию. Наглядным примером может послужить и то, что словарный перевод растения *ковылье* – *stipa* вообще не встречается в анализируемых нами переводах. Представлены следующие варианты: *herbe*, *herbe de la steppe*, *herbe des steppes*, *lande*. Можно предположить, что переводчики прибегают к такому варианту передачи названия растения, чтобы облегчить

чтение текста, сделать его понятнее французскому читателю, для которого данный тип травы, возможно, не столь привычен как для русского читателя. Здесь на помощь переводчикам приходят следующие решения: гипероним, который дает общее представление о предмете (*herbe*); перифраза, которая представляет собой пояснительную конструкцию (*herbe de la steppe* и *herbe des steppes*); метонимический синоним (*lande*), обозначающий привычное для франкоязычного читателя понятие.

4. *Лексическая вариативность, связанная с передачей стилистических фигур.*

Стилистические фигуры используются в переводах не только для «одомашнивания» текста, но и для его украшения. В корпусе наименований флоры и фауны именно с этой целью в одном из контекстов использована перифраза. *Соловиу* в переводе Бланшара становится *l'oiseau qu'on entend dès l'aurore*⁴⁴, хотя в параллельном русском тексте такого описательного выражения нет.

В основном, в «Слове о полку Игореве» названия животных и растений используются в своем прямом значении. Однако ситуация со словом *тур* неоднозначна. Для него существует два типа контекстов. Там, где слово употреблено в своем прямом значении, *тур* понимается как разновидность быков: предпочтение при переводе отдается прямому эквиваленту (названию животного). Когда же речь идет об обращениях и это слово употребляется в переносном, метафорическом значении, например в контексте «буй туръ Всеволодь», переводчики выбирают различные тактики.

Так, при употреблении слова не в составе обращения (т. е. не в составе тропа), а в составе сравнения «аки тури», предпочтение отдается таким словам, как *taureaux*, *aurochs*, *buffles*. Здесь во всех переводах в качестве эквивалента фигурирует название животного. В составе же обращения «буй туръ Всеволодь» слово *тур*, помимо передачи его названием животного у Кульманна, Грегуара, Супо, Гийу, Бланкоффа и Вольского, опускается совсем во французском переводе Коновалова и получает такие переводы, как *combattant* (у Эйкхоффа) и *bogatyr* (у Пигетти). Последние два варианта ничего общего с названием животного не имеют. Словарь-справочник трактует словосочетание «буй туръ» как «хвалебный эпитет: могучий; первоначально: рослый, могучий бык»⁴⁵, а отдельно слово «буй» как «1. Сильный, отважный. 2. Дерзкий, неистовый, буйный. 3. Дикий, яростный, свирепый. 4. Глупый»⁴⁶. Можно утверждать, что в этом фрагменте мы сталкиваемся с употреблением тропа в древнерусском тексте, который утерян в трех французских переводах нашего корпуса.

В переводах XIX в. мы сталкиваемся с еще одной неоднозначной ситуацией: во фрагментах с обращением «яръ туре Всеволодь» и «буй туру Всеволоду» слово транслитерируется как

Tur (с заглавной буквы; во французских словарях данное слово отсутствует), т. е. воспринимается как имя собственное. В другом же идентичном контексте – «буй турь Всеволодъ» – в этих же переводах употреблены: *taureau* (у Эйкхоффа) и *combattant* (у Баргон Фор-Риона). Этот случай показывает, что даже контекстом не представляется возможным объяснить выбор французского эквивалента для слова *tur* переводчиками XIX в.

Таким образом, французские переводчики сталкиваются с рядом проблем при переводе текста «Слова о полку Игореве», часть из которых являются специфическими для переводов текстов на мертвых языках. Во-первых, это проблемы на уровне реконструкции текста, которые влекут за собой различное понимание оригинала. Во-вторых, проблемы на уровне переложений на современный русский язык, с которых делались конкретные переводы, что тоже является причиной различий в переводах на лексико-семантическом уровне. В-третьих, проблемы на уровне выбора синонимов, которые являются обычными для множественных переводов. На выбранном нами материале можно проследить различные стратегии. В одних случаях наименования растений и животных переведены буквально, в других переводчики отдают предпочтение гиперонимам или гипонимам, в-третьих – предлагают личную интерпретацию, через которую стремятся либо сделать текст более литературным (перифраза Бланшара), либо «одомашнить» его для французского читателя (*lande* вместо *ковыля* у Пигетти). В тех случаях, когда в переводе подчеркивается древность памятника, применяется прием архаизации, употребляются такие слова, как *aurochs* («*Sorte de taureau sauvage, ancêtre probable du bœuf actuel, répandu autrefois dans toute l'Europe, en voie d'extinction*»⁴⁷), *destrier*. Во фрагментах, где в древнерусском тексте употребляются образные выражения, во французском тексте встречается замена стилистической фигуры эквивалентом с прямым значением (*combattant* и *bogatyř*), что соответствует универсалии нормализации в литературных переводах. Также в ряде фрагментов можно констатировать явные отличия переводов XIX в. от переводов XX в. (*geai*, *vautour*, *Tur* встречаются исключительно в переводах XIX в.).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00620).

Примечания

- 1 См.: Lombez Ch. (dir.). *Retraductions de la Renaissance au XIXe siècle*. Nantes, 2011.
- 2 См.: Oséki-Dépré I. *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Paris, 1999.

- 3 См.: Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris, 1999.
- 4 См.: Venuti L. *Retranslation : The Creation of Value* // Faul C. M., (ed.). *Translation and culture* (Special issue of Bucknell Review). Vol. 47. № 1. P. 25–38. Lewisburg, 2004.
- 5 См.: Collombat I. *Le XXe siècle : l'âge de la retraduction* // *Translation Studies in the New Millennium*. 2004. Vol. 2. P. 1–15.
- 6 См.: Шерстнева Е. Переводная множественность как категория переводоведения : история, статус, тенденции // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008. № 73, ч. 1. С. 526–532.
- 7 См.: Нагуманова Э. К вопросу о переводной множественности поэзии (на материале переводов стихотворений А. С. Пушкина на татарский язык) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 1 (55) : в 2 ч. Ч. 1. С. 164–167.
- 8 См.: Разлогова Е. Стандартные и нестандартные варианты перевода // *Вопр. языкознания*. 2017. № 4. С. 52–73.
- 9 См.: Богинская А. «Качественное обеднение»/«обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2017. № 5. С. 154–164.
- 10 См.: Каранец В. Переводная множественность : заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2017. № 5. С. 143–153.
- 11 См.: Рыбина М., Орехов Б. Животный мир «Слова о полку Игореве» в переводе Филиппа Супо «Le Chant du prince Igor» // *Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве : сб. ст. / науч. ред. О. Л. Довгий, сост. А. Л. Львова. М., 2012. С. 150–160.*
- 12 См.: Демин А. Изображение животных в «Слове о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 1993. Т. 48. С. 59–63.
- 13 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 15.06.2019).
- 14 Там же.
- 15 См.: Лихачев Д. *Слово о полку Игореве*. М., 2008.
- 16 См.: Стеллецкий В. *Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олегова* // *Слово о полку Игореве*. Л., 1967. С. 249–264.
- 17 Бальмонт К. *Слово о полку Игореве* // Там же. С. 172.
- 18 Jakobson R. *La geste du prince Igor* // *Jacobson R. Selected Writings*. Vol. 4. *Slavic Epic Studies*. Paris, 1966. P. 280.
- 19 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».
- 20 Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения: 15.06.2019)
- 21 См.: Jakobson R. *La geste du prince Igor*. P. 106–300.
- 22 См.: Мецкерский Н., Бурькин А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // *Слово о полку Игореве*. Л., 1985. С. 438–483.

- ²³ См.: Лихачев Д. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Gregoire H., Jakobson R., Szeftel M. La geste du Prince Igor // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves / Université libre de Bruxelles*. 1948. Vol. 8. P. 38–110.
- ²⁵ Blanchard N. Igor, poème héroïque traduit du russe. Moscou, 1823. P. 25.
- ²⁶ См.: Разлогова Е. Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ Rey-Debove J. (ed.). Le Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2014. P. 416.
- ²⁸ Trésor de la Langue Française informatisé.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid.
- ³³ См.: Шарлемань Н. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1948. Т. 6. С. 111–124.
- ³⁴ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 20.06.2019).
- ³⁵ Помета «Fréq. abs. litt.» в TLF обозначает количество употреблений слова в установленном составителями словаря корпусе французских литературных текстов.
- ³⁶ См.: Рыбина М., Орехов Б. Указ. соч.
- ³⁷ Гак В., Ганишина К. Новый французско-русский словарь. М., 1998. С. 1138.
- ³⁸ Макаров Н. Полный французско-русский словарь. СПб., 1904. С. 1084.
- ³⁹ Гак В., Ганишина К. Указ. соч. С. 502.
- ⁴⁰ Макаров Н. Указ. соч. С. 528.
- ⁴¹ См.: Шарлемань Н. Из комментариев к «Слову о полку Игореве»: «На кровати тисовъ» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1954. Т. 10. С. 225–228.
- ⁴² Шарлемань Н. Заметки к «Слову о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1955. Т. 11. С. 9.
- ⁴³ См.: Сапунов Б. Тисовая кровать Святослава // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1961. Т. 17. С. 323–326.
- ⁴⁴ Blanchard N. Op. cit. P. 14.
- ⁴⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Trésor de la Langue Française informatisé.

Образец для цитирования:

Поварницына Е. Д. О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>

Cite this article as:

Povarnitsyna E. D. Povarnitsyna E. D. On Lexical Variability in Translations from the Dead Language (Flora and Fauna in *The Tale of Igor's Campaign* and its French Translations). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 15–20 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>
